

Прошло полторы недели, прежде чем Лелуш воплотил свой план в жизнь. Очень долгие, скучные полторы недели, наполненные шахматными партиями с Эдит, встречами со Шнайцелем и его людьми и религиозным чтением о себе в газетах. До сих пор истории, объясняющие его исчезновение, варьировались от свидетельских показаний клерка видеомагазина, утверждающего, что последние семь лет держали его в подвале, до похищения инопланетянами. Полторы недели должны были быть более чем достаточным временем для того, чтобы сплетни о нем и Милли стали известными, если телефон прослушивался или номер отслеживался. Ничего не было, поэтому он послал Эдит за новеньким ноутбуком. Тот, который никогда не был включен, не говоря уже о том, чтобы использовать.

Затем он сам разобрал компьютер и проверил его на предмет каких-либо ошибок или записывающих устройств. Назовите его параноиком, но он не стал рисковать с Наннелли. Только когда он был абсолютно уверен, что в компьютере нет ничего подозрительного, он собрал его, загрузил больше программ безопасности, чем мог, и приступил к работе.

Ему потребовалось несколько часов, прежде чем он был готов; прежде, чем пришло время позвонить его будущему агенту. Нахмурившись, глядя на бело-красный сотовый телефон, он набрал номер. Совершенно необходимо, чтобы его агент понимал все, что ему нужно было сделать, и был в состоянии это сделать.

«Привет?» На другом конце линии ответил голос.

«Нина? Это Лелуш».

Был вздох и неловкий момент, когда что-то прозвучало как что-то падающее, и перемешивание бумаг. В Зоне Одиннадцать была середина ночи, но выяснилось, что она все еще усердно работает. «Лел - я имею в виду, ваше высочество».

«Лелуш в порядке, Нина. В конце концов, мы друзья». Он вздохнул. Он боялся этого - что все будет странно с его старыми друзьями после того, как они узнают, кто он такой.

«Хорошо». Она кротко сказала.

«Мне нужна услуга, Нина». - сказал Лелуш, затаив дыхание. Если она откажет ему, он не был уверен, что сделает. Никто из других не сможет заменить ее. У него не было реального способа получить им деньги, которые не выглядели бы подозрительно.

«Что вам нужно?»

«Мне нужно, чтобы ты купил дом. Место для моей сестры». Он сказал. «Это должно быть где-то, к чему она может получить доступ, и где-то, что будет легко не заметить».

«Ха. Лелуш ... почему ты просишь меня сделать это? Почему бы не сделать это самому или не

попросить Милли или кого-нибудь из других сделать это?» - нерешительно спросила она.

«Я не могу этого сделать. Если бы я купил дом в Одиннадцатой зоне, это выглядело бы слишком подозрительно. Уже ходят слухи, что она жива, и если бы кто-нибудь когда-нибудь узнал, что я купил дом в Одиннадцатой зоне, это только подлило бы масла в огонь». Он объяснил. «Мне нужно, чтобы кто-то другой сделал это для меня, чтобы купить место для Наннелли на их имя. Я доверяю тебе, Нина. Ты мой друг, и я верю, что ты никогда не предашь Наннелли. Кроме того, не так много людей знают, что мы были друзьями, поэтому у вас меньше шансов попасть под подозрение».

«Но я всего лишь студент. Я не могу позволить себе купить дом». - спокойно рассудила Нина. «Я не могу просто забрать деньги у родителей. Они зададут слишком много вопросов. Может быть, Эшфорды могли бы ...»

«Не беспокойся об этом». Лелуш ответил спокойно. Если это была единственная проблема Нины с планом, то он был в бизнесе. «Я организовал для вас довольно существенную стипендию для проведения исследований. Вы получите уведомление об этом через пару дней. Убедитесь, что вы нашли хорошее место для Наннелли, и когда вы это сделаете, укажите его как исследовательский центр в вашем бюджете. Если кто-то действительно посмотрит на ваши расходы, это должно объяснить это. Когда вы найдете место, спрячьте ключи на участке и позвоните Сайоко, чтобы сообщить ей, где они находятся».

«Вы не хотите, чтобы я связывалась с вами?» - спросила Нина.

«Нет. Я пытаюсь сохранить эту линию в секрете. Было бы жаль, если бы она начала звонить, когда кто-то был рядом». Лелуш объяснил. Он уже заблокировал все номера, которые бывшая владелица телефона сохранила в своем списке контактов. «Но я позвоню тебе снова, когда у меня будет возможность».

«Хорошо».

«Как только сможешь, Нина. Боюсь, ее текущее местоположение могло быть скомпрометировано».

«Хорошо. Я начну прямо сейчас. Гм ... Лелуш?» Нина колебалась.

«Ага?»

«Ты действительно в порядке, правда? Милли сказала не волноваться, но здесь без тебя было странно. Я никогда не видела Милли такой подавленной. Она ведет себя жестко, но я могу сказать, что ей очень грустно. Ширли не перестает беспокоиться из-за этого. ты думаешь, что она пыталась манипулировать тобой. И Риваль злится на себя за то, что позволил им забрать тебя».

Лелуш нахмурился. Его друзья не должны страдать из-за него. Из-за его семьи. Но члены Императорской семьи были мастерами сеять семена раздора, казалось, даже с людьми, которых они никогда не встречали.

«Я действительно в порядке». Лелуш заверил ее. «Скажи Милли подбодриться, скажи Ширли, что я знаю, что она меня не использует, и скажи Ривалю, чтобы он просто бросил, потому что я позволил поймать себя, а не он».

«Хорошо. Я дам им знать тайно. Я полагаю, ты не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал, что ты звонишь мне».

«Вы были бы правы, предполагая это». Лелуш ответил. Не то чтобы он вообще беспокоился о том, что она сплетничает о звонке. Нине не нравилось быть в центре внимания, поэтому она определенно не хотела бы привлекать к себе нездоровое внимание его влюбчивых фанаток. «...Спасибо, Нина. Ты единственный, кому я мог тайно получить деньги. Я доверяю тебе самое важное в своей жизни».

«Я знаю». - застенчиво сказала Нина. «Тебе не о чем беспокоиться. Я сделаю это быстро. Мы все знаем, насколько важна для тебя Наннелли».

Лелуш облегченно вздохнул. Нина была, наверное, самым надежным человеком, которого он знал. Если она скажет, что сделает это, она сделает это. Иногда у нее была почти навязчивая личность. Он был бы почти готов поспорить, что она временно прекратит свое исследование, чтобы быстро закончить это новое задание.

«Спасибо. Стипендия должна быть больше, чем вам нужно для дома, поэтому не стесняйтесь оставлять остальное, чтобы использовать для ваших исследований». Лелуш сказал: «И если кто-нибудь когда-нибудь поймет, что выбор был подделан, отправьте их мне, хорошо? Я не собираюсь заставлять вас подставлять из-за меня».

«Хорошо». - сказала Нина, и он услышал отчетливое постукивание клавиш на клавиатуре на заднем плане.

«Вы уже начали?»

«Ага». Она ответила рассеянно.

Лелуш усмехнулся и замер, услышав шаги, приближающиеся к его комнате. «Я должен идти. Кто-то идет. Еще раз спасибо. Я скоро с тобой поговорю».

Он повесил трубку, а затем сунул и телефон, и ноутбук между матрасом и пружинным блоком, когда кто-то постучал в дверь. Он сказал Эдит, что абсолютно не хочет, чтобы его беспокоили. Ни за что.

«Заходи». Он позвал, когда его настроение испортилось. Была только одна причина, по которой Эдит прервала его сейчас.

«Мне очень жаль, что я прерываю вас, мастер Лелуш». - сказала Эдит, входя в комнату, и поклонилась ему. Она выглядела бледной и взволнованной, и он не был уверен, было ли это из-за новостей, которые она несла, или из-за того, что она так боялась послушаться его.

«Что это?» - спокойно спросил он.

«Вы были вызваны Императором. Его Величество хочет видеть вас прямо сейчас».

«Итак, вы вернулись. И целым, не меньше».

Иеремия Готвальд вежливо поклонился своему принцу. «Было ли когда-нибудь сомнение, что я вернусь целым, ваше высочество?»

Кловис пожал плечами. «Ну, ты ведь ходил к Лелушу, не так ли? И я, кажется, припоминаю, что когда-то ты был членом охраны его матери. Стража, который не смогла защитить ее. Лелуш всегда имел немного вспыльчивый характер, особенно когда дело доходит до его семьи. Это действительно страшно. Это то, что привело его в ссылку».

«Изгнан?» - быстро спросил Иеремия, подозрительно сузив глаза. Ему сказали, что ви-Британии были отправлены в Японию для облегчения переговоров во время Сакурадитского кризиса.

«Ой». Кловис нахмурился. «Просто забудь, что я сказал это, Готвальд».

«Понятно, ваше высочество». Сказал он, даже когда его мысли забились. Принца Лелуша сослали? Какое возможное преступление он мог совершить, чтобы изгнать ребенка? Даже если бы произошла неосмотрительность, император должен был принять во внимание, что мальчик обезумел после убийства матери и инвалидности сестры. Насколько извращена была императорская семья? Было ли то, на что намекнул принц Лелуш, правдой? Может быть, императрицу Марианну убил член императорского двора? Было ли его изгнание способом заставить замолчать свидетеля?

«В любом случае, как мой брат? Он казался здоровым?» - поинтересовался Хлодвиг.

«Да, ваше высочество. Хотя я не разговаривал с ним очень долго». Иеремия ответил.

«Хорошо». - сказал Кловис с улыбкой, прежде чем сложить пальцы на столе. «У меня есть кое-

что, о чем я хочу, чтобы вы позаботились обо мне, лорд Готвальд».

«Я подумал, что ты не просто позвонил мне, чтобы поболтать».

«У меня ... любимый проект, если хотите, Готвальд. Это очень деликатная операция, которая могла бы разрушить меня, если бы о ней стало известно. Проблема в том, что слухи об этом становятся известными. В моей лаборатории есть утечка. Хуже того, эта утечка снабжает информацией террористов». - уточнил Принц, разговаривая руками.

«Вы имеете в виду, что Элевены компрометируют вашу операцию?» - с презрением спросил Готвальд, решив, что на самом деле он не хочет знать, что именно исследовал Кловис, если оно способно разрушить принца. Таких секретов лучше не знать. «Неблагодарные кретины».

«Мои мысли в точности». Кловис фыркнул. «Я уже нахожусь в процессе переезда в новый исследовательский центр, но, не зная, кто именно является утечкой, нет гарантии, что новое место останется секретным. Я всегда мог бы очистить весь объект, я полагаю, но найдя более способных людей будут отставать от графика. Такая проблема».

«Так ты хочешь, чтобы я позаботился о них?» - догадался Иеремия.

«Да, именно так. Я хочу, чтобы вы возглавили отряд, который я занимаю по расследованию террористов. Я всегда верил в ваши способности. Люди хорошие, но им не хватает вашего стремления к совершенству. Я уверен, что вы». Я смогу придать им форму и получить желаемый результат».

«Для меня большая честь ваша вера в меня, ваше высочество». - сказал Иеремия, довольный признанием.

«Что ж, в прошлом ты проделал для меня отличную работу. Для меня вполне естественно поручить это тебе». Кловис пожал плечами. «Я хочу, чтобы вы нашли террористов, выяснили, что они знают, а затем уничтожили их».

«А как насчет утечки?» - мрачно спросил он.

«Пока не беспокойтесь об утечке. Об этом позаботится кто-то другой».

«Хорошо. Итак, у этих людей, которыми вы меня командуете, нет никаких зацепок?» Он спросил.

«У них есть одно. Имя человека, к которому просочилась информация. Но они не смогли найти ничего другого об этом человеке. Никаких записей о его существовании. Нет даже свидетельства о рождении. Либо имя является псевдонимом. или он был дотошным, когда начал стирать себя. Я подозреваю, что он мог быть лидером этой маленькой банды хулигано ».

Иеремия ухмыльнулся. «Отлично. Если у нас есть имя лидера, это только вопрос времени, когда я смогу их найти и прикончить. Как зовут? Я сразу же приступлю».

Принц улыбнулся. «Вот почему ты мне нравишься, Готвальд. Моим людям удалось найти запись на компьютере в лаборатории электронной переписки с неким Наото Коузуки. К сожалению, это был общий компьютер. Я ожидаю, что ты найдешь, допросишь и убьешь его. , вместе с кем-нибудь еще, что он мог бы сказать ".

«С удовольствием, ваше высочество».

Какую прекрасную возможность только что предоставил ему принц. Он не только сможет развеять любые сомнения, которые могли возникнуть в отношении Кловиса после его импровизированного отпуска, но также сможет восстановить свое положение с Чистокровными. В конце концов, это будет доказывать точку зрения пуриста только тогда, когда успех подразделения после предыдущей неудачи был результатом команды дворянина.

«Просто перестань со мной спорить, Наото!»

«Нет, перестань со мной спорить, Каллен. Ты не останешься здесь. Ты вернешься в Штадтфельд и пойдешь в школу». - твердо сказал Наото Коузуки. «У тебя есть шанс на нормальную жизнь».

«Отличный шанс. Я не позволю тебе драться, пока я буду играть гражданина Британии». Каллен зарычала, не обращая внимания на зрителей, наблюдающих за ними. Этот конкретный аргумент был обычным и многократно повторялся как перед членами сопротивления, так и в частном порядке. «Я японка, придурок. У меня такое же право драться, как и у тебя».

Ее брат глубоко вздохнул и медленно выдохнул через нос. «Ты упрямая».

«Нет, ты упрямый». - возразила она. «Вы действительно ожидаете, что я просто буду сидит и смотреть, пока вы показываете британцам, что японцы все еще живы и здоровы? Вы должны знать меня лучше».

«Я знаю тебя лучше. Вот почему я прошу тебя отступить сейчас. Мы влезает в какое-то опасное дерьмо, Каллен. Я не хочу, чтобы ты в этом замешался». Наото мягко объяснил.

«Что ж, если это так опасно, это просто доказывает, что я нужен тебе намного больше. Я лучший пилот Рыцаря, который у тебя есть!» - настаивала она. «Я определенно могу превзойти тебя в этом, и если ты мне не веришь, я думаю, мне просто придется тебе это доказать».

«Когда ты был в Рыцаре?» - спросил Наото, его хмурый взгляд превратился в сердитый взгляд,

когда он заметил внезапно застенчивый вид сестры. «Не говори мне, что ты возился в том старом Глазго, который мы подобрали? Каллен! Он еле держится, не говоря уже о плавности хода. Ты полностью потеряла рассудок? Он может взорваться или рухнуть в любой момент!»

«Это не в той Худшие из формы». - пробормотала Каллен, когда она отвела взгляд. Она не собиралась упускать из виду, что она практиковалась в Рицаре, который они нашли похороненным в руинах гетто и медленно ремонтировали. Обычно она просто использовала собранный им симулятор, который они нашли много лет назад, который иногда зависал на полпути. Она знала, что Наото не обрадуется тому факту, что она учится пилотировать «Глазго», но в то же время ей было все равно.

Она развивала навыки, необходимые для освобождения Японии. Она станет лучшим пилотом Рицаря, какое сопротивление когда-либо видело, а затем затолкает его Британии прямо в глотку. Британцы заплатят за то, чтобы отняли у них ихнюю страну. Они заплатят за все ужасы, которые они совершили во время войны и продолжают совершать сейчас.

И все же ее брат хотел, чтобы она вернулась в дом их отца, чтобы сыграть школьницу-инвалида с теми самыми людьми, которые отняли у них их страну. Он, должно быть, пошутил. Этого не должно было случиться. Она была японкой и будет сражаться за Японию, черт возьми.

«Каллен, я не хочу слышать, чтобы ты снова подходил к этой штуке, ты меня понимаешь? Это небезопасно. И да, я буду рвать Казане новую за то, что она позволила». - рявкнул Наото.

Каллен поморщилась. Казан отвечал за восстановление Глазго. Это была Казане, которой ей пришлось ласково поговорить, чтобы позволить ей попрактиковаться. А теперь Наото собирался сорвать с нее полосу. Она не хотела, чтобы это произошло.

«Ты перестанешь ухаживать за мной, Наото! Глазго в лучшей форме, чем кажется. Это совсем не опасно. Не совсем». Каллен внесла поправку, когда ей на ум пришло время, когда она тренировалась стрелять из винтовки только для того, чтобы она взорвалась у нее в руке. К счастью, она отделалась лишь несколькими незначительными синяками от толчков во время взрыва.

«Не совсем, а?» Ее брат закатил глаза. «Ты моя младшая сестра. Моя работа - беспокоиться о тебе».

«Я не совсем ребенок! Мне семнадцать. Я более чем достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения, и я решаю драться!» Она рявкнула.

Лицо ее брата внезапно похолодело, и она знала, что он прекратил спорить с ней по этому поводу, еще до того, как заговорил. Так всегда заканчивался этот спор. Если она не уйдет сейчас, он уйдет. «Я не собираюсь ссориться с тобой по этому поводу. Ты не присоединяешься к сопротивлению. Это окончательно. Теперь иди домой, Каллен».

Фыркнув от разочарования, она повернулась на каблуках и пошла прочь, протискиваясь мимо Тамаки, у которого на лице была дурацкая ухмылка после того, как она увидела, как ее разжевывают. очередной раз. Ей не особо не нравился этот парень, но он чертовски раздражал. Он любил вести себя намного лучше всех, кто позволял ему, и, к сожалению для нее, она была не в состоянии наступить на его чрезмерное эго.

Боже, ей бы хотелось сразиться с этим парнем в Глазго. Она покажет высокомерному придурку, что на самом деле означает превосходство.

Обязательно захлопнув дверь в квартиру своего брата, когда она уходила, чтобы дать ему понять, что она злится на него, она быстро спустилась по лестнице на первый этаж и вышла на вечерний солнечный свет, стараясь приоткрыть шляпу, чтобы скрыть свои черты лица на ходу. Обычно у нее не было никаких проблем, когда она пересекала гетто, но иногда кто-то видел, что она похожа на британку, и пытался ее беспокоить. Вот почему ее брат дал ей выкидной нож, чтобы она всегда шла к нему в гости.

Выкидной нож, которым у нее были некоторые из членов сопротивления, показал ей, как владеть, пока маленький клинок не стал как продолжение ее собственной руки. Не то чтобы ей когда-либо приходилось его использовать. Ее брат был довольно хорошо известен в гетто, и большинство людей знали, что она его сестра, и не беспокоили ее. Даже если она была враждебна, обычно все, что ей нужно было сказать им, это ее имя, Каллен Коузуки, и они отступали.

Она была на полпути к «цивилизации» - как это любили называть британцы - когда она услышала повышенные голоса, эхом доносящиеся из боковой улочки. Обычно она не вмешивалась. Споры не были редкостью, особенно в гетто, где был высокий уровень преступности. Однако акцент женщины был явно японским, а голос мужчины - нет. Этого ей было достаточно, чтобы хотя бы проверить это.

Убедившись, что удерживает ее обратно к рушащимся руинам того, что когда-то выглядело так, как будто это когда-то был круглосуточный магазин, она скользнула по улице, пока не увидела ссору. Японская женщина стояла - нет, скорее съежившись, - перед британским полицейским, протянув одну руку в мольбе, а другая зажала рот маленькому мальчику лет семи или восьми, стоявшему позади нее.

«Он не имел в виду этого, офицер. Клянусь. Он всего лишь ребенок». - сказала женщина, ее голос с сильным акцентом дрожал. «Сжался».

Маленький мальчик сердито убрал руку матери ото рта и хмуро посмотрел на британца. «Я тоже, ты, британский подонок!» Он крикнул. «Вы, придурки, убили Синдзиро!»

«Быть ребенком - не оправдание!»

Без предупреждения офицер выхватил дубинку и рванулся вперед, чтобы ударить ребенка. Единственное, что остановило потенциально смертельный удар, нанесенный мальчику по

голове, - это его мать, бросившаяся ему на пути. Каллен видел подобное поведение раньше в полиции. Офицер не травил. Это было чем-то, что делали копы, когда им было скучно или когда они хотели проявить себя. В конце концов, Мэйт прав. Им доставляло удовольствие издеваться над каждым, кто даже хотя бы неправильно смотрел на них в гетто. Каллен даже не хотелось думать о том, сколько японцев было убито британской полицией просто для развлечения.

Женщина испустила болезненный крик и прижала руку к груди, чтобы защитить место, где с ней столкнулась дубинка. Похоже, он был сломан, если судить по тому, как она его поддерживала. Офицер безжалостно приготовился к новому удару. Он убьет женщину, а затем перейдет к шумному мальчику.

Каллен обнаружила, что ее рука крепко сжимает рукоять ножа, суставы побелели от давления, которое она на него оказывала. Эти люди умрут, если она что-то не сделает. Чертовски уверен, что коп не из милосердных.

«Проклятые британцы». Она зарычала себе под нос, когда вытащила лезвие и начала нападать на полицейского. Мужчина был настолько сосредоточен на своей добыче, что даже не заметил ее прибытия, пока она не вонзила лезвие в спину человека - только для того, чтобы оно соскользнуло с его бронежилета, выданного полицейскими.

«Что за черт?» Мужчина зарычал, развернувшись с дубинкой наготове.

Только ее впечатляющие рефлексы спасли ее от удара дубинкой в лицо, когда она отпрыгнула и нырнула под удар, прежде чем броситься вперед и, используя инерцию, вонзить лезвие прямо в горло офицера.

Глаза мужчины расширились от удивления или боли. Он уронил дубинку, чтобы схватиться за горло, когда она выдернула лезвие, и это движение принесло ей струю крови в рукаве пальто.

Она с ужасом смотрела на ущерб, который она причинила, стоя над умирающим, когда он упал на колени и уставился на нее в таком же изумлении. Она никогда раньше никого не убивала. Несмотря на весь ее огонь и ненависть к Британии, она никогда никого не убивала. И это было так просто. Один простой толчок - и все для этой собаки человека. Неужели человеческая жизнь так хрупка?

Единственное, что пробегало в ее голове, когда она смотрела на смертельную рану, было интересно, будет ли ее горло выглядеть так же, если его разрезать. Она с отвращением смотрела на кровь, запачканную ее руками и одеждой; на постоянно растущее пятно на передней части мужской формы.

Ей хотелось плевать. Она только что кого-то убила. Он умирал прямо на ее глазах, и единственное, что она хотела сделать, это вырвать содержимое своего желудка на потрескавшийся тротуар. Часть ее разума кричала, чтобы она уронила окровавленный нож ей в руку, бросила его как можно дальше от нее, в то время как другая, более логичная часть ее

разума шептала, что это оставит только доказательства.

«...Зачем?» - спросил мужчина, глядя на ее лицо под полями шляпы. Его голос был сдавленным, хриплым бульканьем, от которого в ее горле поднялась желчь, просто прислушиваясь к нему. «Ты... британка...»

А потом логика вернулась с стремительной ясностью.

«Я японка, засранец». Она зарычала. Она не могла поверить, что чувствует себя виноватой за то, что избавила этого никчемного подонка от его страданий. Ублюдок не заслужил жизни. Он бы убил женщину и ребенка, если бы она не пришла, и единственная причина, по которой он сделал это, заключалась в том, что они были японцами. Сколько еще он убил? Сколько еще он убил бы?

Она взглянула на перепуганную мать и ребенка. Женщина была бледна, вероятно, от боли и шока, когда она смотрела на Каллен. Мальчик, напротив, смотрел на мертвого / умирающего полицейского, его глаза сияли от волнения.

«Это было потрясающе!» Он взвыл перед тем, как броситься на упавшего и ударить его ногой, опрокинув сгорбленный окровавленный труп. «Так тебе и надо, что ты причинил боль моей маме!»

«С тобой все в порядке?» - тупо спросила Каллен. Мгновенная ясность, к которой она только что была причастна, медленно снова погружалась в оцепеневший ужас.

«Д-да». Женщина захныкала. «Спасибо».

«Тебе пора домой». Она предложила. Женщина молча кивнула и потянулась к своему сыну, быстро утащив его по улице.

«Иди домой, Каллен».

Дом. Да, ей тоже пора домой. Но ее дома не было в Штадтфельдах. В любом случае, она не могла вернуться в британский город в том состоянии, в котором находилась. Мгновение она смотрела на труп, обдумывая, что с ним делать. Она должна переместить его? Следует ли ей оставить его там, где он был?

Нет, его перемещение только увеличивало шанс оставить вещественные доказательства. Она должна просто оставить это. В конце концов патрули найдут его и, вероятно, через некоторое время прекратят свое расследование. В конце концов, это будет не первый раз, когда японцы наносят ответный удар своим угнетателям.

Обернувшись, она пошатнулась назад тем же путем, которым пришла, почти в оцепенении,

хотя и достаточно связной, чтобы держаться за переулки и тени. Она не хотела, чтобы кто-то видел ее такой. Это приведет к вопросам, которые приведут к свидетельским показаниям, которые кто-то может дать против нее британцам.

Когда она открыла дверь и, спотыкаясь, вернулась в квартиру своего брата, разговор, который они вели, внезапно замолчал. Они что-то обсуждали насчет принца Кловиса, она только что уловила последний момент, но на этот раз она не собиралась подслушивать. Она просто хотела... она не знала, чего хотела. Может быть, в ванне. А потом свернуться калачиком в мешковатых тренировках своего брата и футболке и просто... забудь об этом человеке.

«Боже мой, Каллен! Это кровь?» - потребовал ответа Наото, бросаясь к ней. «Тебе больно? Что случилось?» - обеспокоенно спросил он, когда начал ее осматривать. Он расстегнул молнию на ее пальто, намереваясь проверить ее на предмет травм, но остановился, когда оно зацепилось за что-то в ее руке.

Только тогда она осознала, что все еще носит нож, лезвие все еще вытянуто, кровь, брызнувшая на рукоять и на ее руку, уже высыхала липким, свернувшимся месивом. Она заставила себя разжать руку, и нож с грохотом упал на пол, когда слезы случайно навернулись на ее глаза, и она бросилась в объятия брата.

Она не могла в это поверить. Она плакала из-за проклятого британца.

Каллен Козуки

<http://tl.rulate.ru/book/55554/1424138>